

БЫТЬ В ФОРМЕ: КОСТЮМ ИНСТИТУТКИ КАК ПРЕДМЕТ ОДЕЖДЫ И ИДЕОЛОГЕМА. ЧАСТЬ I

В.В. Пономарева

МГУ имени М.В. Ломоносова, исторический факультет, Москва

В статье рассмотрена история первой русской женской школьной формы – костюма воспитанниц закрытых женских институтов Ведомства учреждений имп. Марии за все время его существования (с 1764 по 1917 г.) в конкретных исторических условиях. Институтский костюм XVIII в. во многих чертах воспроизводил обычное платье дворянки того времени, сохраняя неизменность в течение 150 лет. Институты Мариинского ведомства постоянно переживали реформирование, зачастую именно здесь впервые в школьном быту опробовались нововведения (в том числе в области медицины, санитарии и гигиены и пр.), и лишь институтское платье оставалось прежним. Отдельные его детали (пелеринки, рукава, фартуки, пр.) и материалы, из которых они изготовлялись, затраты на закупку тканей и шитье, правила ношения, платье повседневное и воскресное, праздничное и траурное, верхнее и ночное, а также нижнее белье, обувь и головные уборы и т.д., обсуждения в Мариинском ведомстве всех сторон бытования институтской униформы, воссоздаются автором на большом массиве архивных данных, впервые вводимых в исторический оборот.

Показаны существовавшие отличия в униформе разных институтов (цвет платья, особенности кроя, материал разного качества), в том числе в костюме пепиньерок (дополнительного педагогического класса), отличавшего взрослых девушек от подростков. Один и тот же костюм, характерный для всех институтов Российской империи, от Варшавы до Иркутска, подчеркивал единство культурного пространства, одинаковых для всех институтов повседневных практик, нивелировал различия между бедными и богатыми воспитанницами, дисциплинировал и в то же время поддерживал в институтках сознание общности. Женские школы, которые находились под защитой императорской семьи, были одним из известных всем символов царской России, олицетворяя этическую и моральную стабильность монархического строя, что подчеркивал неизменный и узнаваемый облик институток. В современной отечественной историографии авторы, практически не основываясь на фактическом материале, ограничиваются в основном характеристикой институтского костюма как униформы, предназначенной прежде всего для подавления и подчинения личности учащегося. Традиционная униформа институтки стала прототипом школьной формы более позднего периода, в том числе костюма советской школьницы.

Ключевые слова: историческая антропология, униформа, культура повседневности, Ведомство учреждений имп. Марии, закрытые женские институты

«Одежда институток так известна, что почти нет надобности ее описывать».

Анна Энгельгардт

Начало системе женских закрытых институтов Ведомства учреждений императрицы Марии (неточно именуемых «институтами благородных девиц») было положено в 1764 г. основанием Воспитательного общества благородных девиц (Смольный). Повседневная жизнь институтов нашла отражение, помимо делопроизводства, в медицинских отчетах, юбилейных изданиях, публицистике, материалах личного характера, беллетристике, жи-

вописи и фотографии¹. Своеобразным источником по истории Мариинских институтов является принятая там униформа.

В дореформенный период Ведомство находилось вне критики, но с ослаблением цензуры

¹См., например, масштабную онлайн-фотобазу personal-history.ru, где материалы о женских институтах пополняются энтузиастами (Р. Смирновым, М.Ю. Экаревой и др.).

сомнению было подвергнуто само существование институтов, как архаичных учебных заведений. Порицалось и платье институток за устаревший покрой, неудобство ношения. С конца XIX в. вопросам санитарии и гигиены придавалось особое значение. Школьная одежда рассматривалась прежде всего с этой точки зрения. В глазах врача-гигиениста институтская униформа заслуженно не выдерживала критики.

Ныне платье институтки можно рассмотреть отчужденно, как артефакт далекого прошлого. Однако сегодняшние исследователи судят его строже, чем современники. В работах, посвященных школьной униформе, основное внимание уделяется оппозиции «индивидуум/власть» и тождеству «дисциплина/муштра, подавление личности». Так, Т.А. Власова вслед за М. Фуко сопоставляет «школьное пространство» с «институтом клиники или тюрьмы» и в соответствии с этим рассматривает «феномен школьной форменной одежды как способ осуществления властных стратегий, <...> способ манифестации социального неравенства» [Власова, 2010, с. 143]. Аргументы «за» форму (дисциплинирует, сглаживает социальные различия, маркирует как учащегося) автор разбивает, вооружившись цитатами из П. Бурдьё, М. Фуко и Д. МакДугалла.

Теми же понятиями оперирует в цикле статей, в которых идет речь о «воздействии униформы на формирование габитуса девушек», и Л.Е. Зиновьева. Она полагает, что «исследование костюма в контексте идей телесности позволяет рассмотреть его в качестве проводника властных отношений <...> инкорпорирующего внешние структуры в пространство человеческого тела», и делает вывод, что «школа дисциплинарного насилия делала послушание частью физической, телесной жизни девочки, напрямую подавляла ее индивидуальность, самостоятельность, активность <...> Форма становилась прямым средством осуществления власти взрослого мира по отношению к детям» [Зиновьева, 2012, с. 6, 14]. Таким образом, изучение источников опережается идеологическими декларациями, бесхитростно извлеченными из конструктов Фуко и др. западных мыслителей. Еще столетие назад Н.А. Бердяев справедливо писал о догматизме усвоения западных идей и учений интеллигенцией, переводящей гипотезы в нечто «вроде религиозного откровения».

Как такового исследования костюма в работах Л.Е. Зиновьевой нет, а источником для автора послужили мемуары двух институток, рассмотренные вне исторического контекста [Пономарева, 2015]. Утверждение, что «в форме должно было быть неудобно, она должна была мешать ребенку двигаться свободно» [Зиновьева, 2012, с. 9, курсив

автора], находит поддержку в некоторых других работах («форма все более и более превращалась в средство прямой муштры» [Савельева, Упине, 2014, с. 44]), источниковая база которых также ограничивается мемуарами двух институток (причем одна из них ошибочно названа «А.О. Елевская» вместо «А.С. Ешевская»).

Умозрительность изысканий «в контексте идей телесности» приводит к ложным выводам: противопоставляя униформы воспитанниц традиционных институтов и демократических гимназий, Л.Е. Зиновьева заключает, что скромное платье гимназистки указывала на ее будущую «роль гувернантки, учительницы, классной дамы», а «открытое платье» институтки – на роль «светской дамы», что не имеет ничего общего с действительностью. Наблюдение Л.Е. Зиновьевой, сравнивающей фотографии «неуклюжих, но живых и подвижных» младших учениц и «спокойных выпускниц», будто бы уже «вышколенных» за годы учения униформой, может вызвать лишь улыбку: естественное превращение угловатых подростков в уверенных в себе девиц веками успешно обходилось без «регламентирующего телесные практики детей» школьного платья. Утверждение, что «уже в конце XVIII века в России форма была введена и как обязательная часть общественного образования» [Зиновьева, 2012, с. 9] опровергается конкретно-историческим материалом [Гребеньков, 2011]. Авторы другой статьи замечают, что «строгость, выдержанность и стабильность» институтского платья подчеркивались его симметричной композицией и построением на основе «радиально-лучевого ритма» [Савельева, 2014, с. 44]. Однако на этих принципах строится вся одежда (за редкими исключениями – драпировки античности, подражания им в ампире и ар-деко и т.п.). Скупые описания институтского костюма также грешат неточностями, ошибками. Утверждается, что «фартук, дополнявший наряд», являлся «только поясным», тогда как передники шили с лифами; платье с «круглым декольте, украшенном кружевной оборкой» [Зиновьева, 2012а, с. 131]. В реальности платье предстает с разнообразными лифами, кружево использовалось, как правило, в праздничном наряде; повседневную одежду шили не из одного камлота и холста, цвет платья отличался разнообразием и т.д. [Савельева, Упине, 2014].

Этнографами давно было замечено, что «одежда – паспорт человека, указывающий на его племенную, классовую, половую принадлежность и символ, характеризующий его общественную значимость» [Гаген-Торн, 1933, с. 122]. Характеристика одежды, как сложной знаковой системы, «универсальной культурной метафоры», является общим местом в исследованиях, посвященных

предметной среде. При этом знаток истории одежды Р.М. Кирсанова обращает внимание на то, что «теоретические обобщения невозможны без хорошего знания фактологической основы предмета. Проблема отечественных теоретиков именно в том, что даже существующую литературу о костюме в России они знают явно недостаточно, поэтому их сильной стороной можно назвать лишь навыки транслирования работ западных исследователей для российского читателя», хотя «прямое перенесение схем и концепций попросту невозможно» [Кирсанова, 2006, с. 60]. Надеемся, что наша работа станет шагом в изучении фактологической основы институтской униформы.

*****

Костюм институтки стал первой девичьей школьной формой в нашей истории. Первое упоминание о нем содержит Устав Смольного 1764 г. Для обмундирования учащихся в военных корпусах существовал очевидный образец – военная форма. Институток одели в платья, какие в то время носили дворянки в повседневной жизни. Вырез прикрыли пелеринкой, и в институтском мирке время остановилось – это платье с некоторыми вариациями просуществовало более полутора столетия.

Примером для Екатерины II при основании первого женского училища, Воспитательного общества благородных девиц (Смольного института), как известно, послужил французский Сен-Сир (1686 г.). Его воспитанницы были разделены на классы по возрасту, различаясь цветом лент (красный, зеленый, желтый, синий) [Осинин, 1876], что отвечало духу иерархически выстроенного общества. Так и в Смольном воспитанницы делились «по возрастам», и для каждого предписывалось «делать одежду особого цвета, а именно: первого возраста девицам кофейного или коришневого, второго голубого, третьего сероватого, а четвертого белого цветов <...> Обыкновенное для учебных дней платье будет камлотное, а для воскресных и праздничных такого же цвета шелковое» [Устав, 1764, с. 17]. Этим они опередили мальчиков. Два года спустя устав Сухопутного Шляхетного корпуса установил цветовую иерархию для кадет: «первый возраст облачается в платье кофейное или коричневое, второй возраст в голубое, третий в платье сероватого цвета», четвертый и пятый возраст надевает «платье зеленое с лосинным» [Устав, 1766, с. 35, 39–40, 52]. (*Лосинный* — цвета лосин, т.е. штанов из белой кожи лося или оленя). В обоих учебных заведениях, призванных решать одну задачу – воспитание современной элиты, мужчин и женщин «новой породы» – одевали питомцев в костюмы схожих цветов.

Рис. 1. Левицкий Д.Г. Смолянки. Портрет Ф.С. Ржевской и Н.М. Давыдовой. 1772. ГРМ

Подобно позднейшим погонам, цвет платья указывал на статус носившего его человека. Своя «табеля о рангах» расцветок существовала и в платье придворных дам. Платье гофмейстерины было малиновым, статс-дам и камер-фрейлин – пунцового, а наставниц великих княжон – синего с золотым шитьем [Высочков, 2010]. Обратим внимание на облачение наставниц: синими были платья классных дам и начальниц Мариинских институтов, позже – мундиры чиновников Министерства народного просвещения, а затем именно этот цвет рекомендовали для платьев учительниц гимназий.

Открывавшиеся позже женские институты производили униформу смолянок, однако цвет платья у них был разный. Белые платья старейших институтов отличались отделкой: в Смольном были приняты ленты и кайма голубого цвета, в Патриотическом – белые, а в Екатерининском –

пунцовые, цвета ордена св. Екатерины [Панкратьева, 1899]. Белый – один из самых знаковых цветов. Он символизировал чистоту, невинность, юность. Современники сравнивали институток в белом с ангелами. Преподававший в Воспитательном обществе профессор А.В. Никитенко записал в своем дневнике: «Сегодня я присутствовал на выпускном экзамене в Смольном монастыре, и никогда не забуду впечатления, оттуда вынесенного <...>. Здесь стройными рядами проходили мимо посетителей все воспитанницы <...>. Как видения поэтической фантазии, они мелькали передо мной в своих белых платьях с лиловым кушаком» [Никитенко, 1955, с. 89–90]. Белый цвет приучал к аккуратности, ведь на нем заметно малейшее пятнышко. Из-за своей непрacticности повседневные белые платья к концу XIX в. сохранились только в самом элитарном институте – Смольном.

Цвет платья определял положение воспитанницы. «Я стала кофужкой – бесправным, мизерным и вредным существом; сделаться серенькой – это значит из бесправных попасть в принцы, а сделаться зелененькими – попасть в короли», – писала воспитанница киевского института [Воропана, 1903, с. 50]. Цвет платья отличал, возвышал и низводил. Так, однажды в Смольном класс был «очень чувствительно наказан» запрещением надеть платья цветов выпускного класса «до получения прощения» [Гиргас, 1895, с. 19]. Цвет порождал прозвища: «полосатками» называли прислугу в полосатой униформе, «синявками» – носивших синее классных дам, «мышами» – одетых в серое пепиньерок². Как вспоминала «екатеринка», «соседки звали нас лягушками за зеленые платья, а мы в отместку величали их вареными раками за их темно-красные платья» [цит. по: Бельская, 2001, с. 204].

Бережливое институтское начальство добивалось права ввести один цвет для всех возрастов «в виду экономии как по заготовлению материала, так и в особенности при кройке», и выбрать при этом более практичный (РГИА. Ф. 759. Оп. 24. Д. 709. Л. 6). Содержание институтов обходилось дорого, и в документах часто заходит речь о сокращении расходов на «предметы вещевого довольствия». В 1829 г. список одежды для воспитанниц Патриотического института был собственноручно сокращен императрицей: передников и пелеринок по 6 (вместо 8), рукавчиков 8, носовых платков 8 (вместо 10), 2 камлотовых платья, 2 шляпы, 4 чепчика (вместо 6), рубашек 7 (вместо 8), юбок бумажных 2, из фламского полотна 2, 10 пар «белевых чулок» и 2 бумажных, 8 опойковых пар башмаков

²Институтки, получавшие после окончания общего курса дополнительную педагогическую подготовку.

и 2 козловых для танцев. Императрица велела оставить коленкоровые передники лишь для праздников, заменив их в будни полотняными (РГИА. Ф. 759. Оп. 19. Д. 49. Л. 2, 8).

Платье – основную часть институтской униформы – описывает А.Н. Энгельгардт (дореформенный московский Екатерининский институт): «камлотовое платье до полу <...> юбка, пришитая сзади к гладкому вырезанному лифу, с короткими рукавами, который застегивался сзади на крючках; одно полотнище юбки на поясе, не пришитое к лифу, пристегивалось к нему сбоку. Белый <...> передник с лифом внизу закалывался на булавках и вверху связывался шнурком, белые пелерины и рукава – вот верхнее платье» [цит. по: Бельская, 2001, с. 149].

Обязательным предметом костюма институтки был передник. Его надевали кухарки и горничные, сестры милосердия и, отныне, воспитанницы разных учебных заведений России. В данном случае передник, в сущности, практически ненужный предмет одежды, как мужской галстук. И настолько же амбивалентный: если галстук воспринимается как знак подчиненности социальной иерархии, и в то же время мужской сексуальности, то передник создает образ призванной к труду девушки, при этом являясь символом женственности. Кокетливо дополненный складками, защипами или кружевом, фартук служил украшением. Очевидно, ученица в платье с передником отвечала представлениям о том, как она должна выглядеть: не случайно именно так вслед за институтками одели епархиалок и гимназисток, а затем и советских школьниц (очевидно, этим в то же время подчеркивалась культурная преемственность).

Однажды в Смольном предприняли попытку перемен: прежний передник показался новой начальнице чересчур простым. «На выпуск нам были сшиты передники с огромными оборками, как обыкновенно носят няньки или горничные в купеческих домах. Передники были сшиты не из полотна, как обыкновенно, а из какой-то бумажной материи, которая немилосердно топорщилась во все стороны», – вспоминала смолянка (1875–1876 гг.). Александру II форма не понравилась: «Какие вы пышные», – сказал император девочкам. А начальнице заметил: «Я привык к старой форме и нахожу ее более изящной и красивой» [цит. по: Ешевская, 2001, с. 369–370].

У институток был свой способ приводить в порядок форму, тот же, какой известен из солдатского быта советских времен. «Нужно было вечером, ложась спать, сбрызнуть пелеринку, передник и рукавички и, сложив аккуратно, положить между двумя тюфяками на постель; вынимая поутру, я

находила их точно выглаженными» [цит. по: Стерлигова, 2001, с. 85].

Наиболее архаичной частью платья были так называемые «манжи, то есть рукавчики-трубочки из полотна» [Чарская, 2006, с. 137]. Обычно вплоть до XVIII в. рукава подвязывали либо припиливали к лифу, оставляя их свободными у подмышек, а в XVIII в. рукава платья «были довольно узкими, едва достигающими локтя или даже короче» [Кирсанова, 2006, с. 235]. Такими были и рукава институтского платья: узкие и короткие, они в некоторых случаях крепились к пройме лифа, в других – к рукавам, вшитым в пройму, привязывались сменные рукавчики. Рукава пачаются довольно быстро, особенно у сидящих за партами, и частая их смена позволяла сохранять опрятный вид.

Поверх платья надевались пелеринки. Без них в открытых платьях легко было замерзнуть: в институтах «надлежащей температурой» признавались 12–14° Реомюра (15–17,5° по Цельсию) [Устав, 1855. Гл. IV. § 94]. Новички страдали от холода, но вскоре привыкали («я уже никогда не могла носить дома шерстяных кофт, а только легкие летние» [цит. по: Васильева, 1903, с. 160, 164]). Жесткие условия повседневного обихода, принятые в институтах, вообще были характерны для воспитания элиты, от аристократии прошедших времен до современных закрытых английских школ.

Пелерины институтки снимали в столовой [Тимофеев, 1887]. Открытое платье без его дополнений в виде пелеринки и рукавчиков и с большим вырезом было востребовано редко. О таком случае вспоминает Ф. Левицкая: «В день приезда государя нам не велели подвязывать рукавчиков и надевать пелерин», ведь предстоял бал, и девочки «с непривычки» «чувствовали себя неловко на уроках, сидя перед учителями с обнаженными плечами и руками» [Левицкая, 1900, с. 896].

В 1878 г. в Ведомстве учреждений императрицы Марии был установлен размер трат «на одежду, белье, обувь и постели»: на каждую воспитанницу по 35 руб. (в южной полосе России – по 38 руб.) [Устав, 1855. § 88] (суммы в разных институтах могли отличаться от уставных). Экипировка воспитанниц епархиальных училищ³ обходилась

³Епархиальные училища предназначались прежде всего для дочерей лиц духовного звания. Униформа, схожая с институтской, появилась в училищах не сразу, сначала девочки одевались по-разному, даже в пестрые ситцевые платья [Преображенский, 1902, с. 434]. В строгой униформе епархиалки приобрели рафинированный облик: дочери бедных священнослужителей не только получали достойное образование, но и выглядели как барышни.

Рис. 2. Смолянки, 1830-е гг. (Венецианов А.Г. Представительство Божией Матери за воспитанниц Смольного института. 1832–1835 гг. ГРМ. Фрагмент)

на треть меньше, в 26 руб. 31 коп.: некоторые предметы шились из более дешевых тканей, чем костюм институток [Тульские, 1877, с. 304; Симбирские, 1878, с. 426–427 и др.]. Впрочем, и ткани будничной институтской униформы дорогими отнюдь не были. На нее шли те же коленкор, люстрин, мадаполам, ланкорд, холст, что и на форму епархиалок. Для институток закупали также драдедам, использовавшийся «как обычное сукно в среде городской бедноты для одежды и драпировок» [Кирсанова, 1995, с. 92], нансу (нансук), обыкновенно шедший на белье прислуге [Кирсанова, 1995, с. 186], кретон, употреблявшийся для занавесей и обивки мебели в «достаточных» семьях, а в «менее обеспеченной среде» из него шилась одежда [Кирсанова, 1995, с. 144], ластик, из которого, помимо «недорогой мужской одежды <...> также шили ливреи для слуг» [Кирсанова, 1995, с. 154]. Закупка ткани была важной процедурой: придирчиво обсуждались ее количество для новой одежды и починки старой, качество, цены. Купцы представляли в институтские советы «образцы материалов для одежды и белья», заключался договор на поставки (см., напр.: ГАТО. Ф. 118. Оп. 71. Ед. хр. 35. Л. 17–18 об.). Соблюдение экономии было важнейшим условием жизни обширного Мариинского ведомства, на балансе которого находилось множество благотворительных и учебных заведений.

Однако порой экономией пренебрегали. В Ведомстве были готовы переплачивать за приверженность вековой традиции. Так, повседневные

Рис. 3. Воспитанница московского Екатерининского института. 1903 г.

платья традиционно шили из камлота, который позже характеризовался как «грубая шерстяная ткань, давно всюду вышедшая из употребления. Ткань камлота так груба, что представляется как бы накрахмаленной». Камлот, отмечалось в документе Ведомства, хотя и «очень крепок», но негигиеничен и дорог, ведь его «специально для потребностей институтов» вырабатывали на фабрике в Риге (РГИА. Ф. 759. Оп. 24. Д. 709. Л. 1–3). В архивном деле сохранились образцы камлота, шедшего на институтское платье. Не утратившая яркую окраску ткань действительно жестка на ощупь. Некогда камлот был в ходу, производился в разных местах, и его употребляли «как ткань костюмов не очень состоятельных персонажей» [Кирсанова, 1995, с. 114]. В первой половине XIX в. он закупался Ведомством на фабриках Московской губернии (ЦГИА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 981), выписывался из Англии, и тогда выходило даже немного дешевле, да и «по превосходству доброты весьма выгодно» (РГИА. Ф. 759. Оп. 19. Д. 51. Л. 2). Но и

Рис. 4. Воспитанница Петербургского Сиротского института

позже, вплоть до 1917 г., несмотря на большой выбор плотных, носких и более дешевых тканей, в институтах настойчиво выбирали камлот.

В женских гимназиях, открывавшихся с конца 1850-х гг., институтская униформа (рис. 3, 4) была воспроизведена в более современном виде. Первым побуждением начальства было одеть гимназисток как институток: «для соблюдения единообразия в форме» в одной из первых гимназий предполагалось, «чтобы в низших трех классах воспитанницы носили шерстяные коричневые платья, а высших трех – синие; пелеринки и рукава белые, фартуки черные, без всяких украшений» [ЖМНП, 1859, с. 144], но сложный институтский костюм мог сохраняться лишь в специфической среде Мариинского ведомства.

Праздничная одежда институток изготавливалась из тканей подороже, украшалась кружевом, шитьем, бархаткой. Цены на отдельные детали костюма при этом сильно различались: повседневный передник в начале XX века в московском институте обходился в 55 коп., полупарадный – в 3 руб. 25 коп., а парадный – в 5 руб. 55 коп. (ОПИ ГИМ. Ф. 310. Ед. хр. 145. Л. 7 об.). Пепиньерки, как уже взрослые девушки, надевали кружевные фишю (нагрудная косынка) или берты (большой кружевной воротник) вместо пелеринок и этим, кроме цвета платья, сразу выделялись среди подростков (рис. 5).

Полное нарушение традиций допускалось в Новый год. Институтки вспоминали, что бал 1 января был для них самым любимым, ведь позволялось «костюмироваться». В ходу были туалеты «всех наций, какие нам были известны», девочки наряжались Коломбинами, цветочницами, рыбаками и джигитами [Чарская, 2007, с. 79], а костюмы «шили сами или брали у родных» [Стерлигова, 2001, с. 115]. Впрочем, и здесь воспитатели стремились сохранить равенство: однажды начальница сняла «все брильянты, изумруды» с «богато костюмированной» дочери донского атамана и отдала их ее матери, наказав ей, чтобы впредь «такого роскошного костюма» не делали [Ковалевская, 1898, с. 619].

Учение в институте завершалось торжествами: «выпускные платья у всех были одинаковы, белые кисейные или тюлевые, воздушные <...> 20 лет тому назад в таком платье девушка могла еще появиться на любом балу» [Лухманова, 1903, с. 196–197]. Особая одежда существовала и для траура. В траурные дни по Александру I институтки надели «черные платья, белые пелеринки и черные креповые покрывала» [Аладьина, 1834, с. 61–62], после смерти Николая I им «сшили траур, передник из черного кашемира, дали черные платки» [Стерлигова, 2001, с. 120]. Воспитанницам, потерявшим родных, выдавали передник и ленту «к вороту и на голову» черного цвета [Ешевская, 2001, с. 359]. Ношение траура регламентировалось в культуре строже, чем праздничная одежда: черный и белый цвета, ширина лент и т.п., говорили окружающим о глубине траура, родственных отношениях к покойному.

Немало досады доставляли перчатки и обувь. А.Н. Энгельгардт вспоминала: «Башмаки составляли отчаяние институтских кокеток своим допотопным фасоном: из черной тонкой кожи, вырезанные как туфли, они привязывались к ноге черными шелковыми ленточками, перекрещивавшимися спереди» [Бельская, 2001, с. 149]. Кое-где сначала разрешали иметь собственные туфли: «почти

Рис. 5. В costume пепиньерки пелеринка заменена косынкой а-la Мари-Антуанетт

все имели свои, в особенности для балов и танцев, а казенные и толсты, и тяжелы...» [Стерлигова, 2001, с. 95]. И в неудобной обуви девочки вырабатывали легкую походку: «носить своих ботинок не позволялось никому; у всех были туфельки или башмачки из тонкой кожи, с тесемками, завязывавшимися крест-накрест, без каблуков. Так как шаркать ногами не позволяли, да и среди институток шарканье считалось ужасным *mauvais genre*, мы приучались ходить легко и беззвучно», – писала институтка 1860-х гг. [цит. по: Левицкая, 1900, с. 896]. На холодное время заказывались опойковые, козловые или прюнелевые полусапожки [Московское, 1903], ботинки из верблюжьего сукна (ГАТО. Ф. 118. Оп. 12. Д. 7. Л. 27). Прюнелевые ботинки делали с «кожаными наконечниками»; в сырую погоду использовали «низкие резиновые калоши, <...> в холодные зимние дни теплые чулки, иногда гамаша и глубокие на сукне галоши» и кожаные сапоги [Медицинский, 1895, с. 35].

Верхняя одежда в институтах была наименее унифицирована. В дореформенную эпоху встречаются упоминания об «уродливых синих шубках и безобразных шляпах на шнурах» [Половцева,

Рис. 6. Педагогический класс Петербургского Елизаветинского института. Начало XX в.

1900, с. 27], о «длинных зеленых «мантошках» – салопках с капюшонами» [Гарулли, 1901, с. 14], «смешных зеленых шубах и башлыках на красной подкладке» [Заведеева, 1911, с. 34]. Позже носили «зимние пальто из шевиота на шерстяной подкладке с ватой» [Теодорович, 1916, с. 98], салопы и клоки, «драповые длинные пальто», «бурнусы на вате». Из-за разнообразия климата в обширной империи институты настаивали на «согласовании одеяния с климатическими условиями данной местности» [Медицинский, 1895, с. 35–36] (рис. 6). В Иркутском институте завели беличьи шубки [Медицинский, 1899]. Беличий, как и заячий мех, считались дешевым товаром [Ледров, 2012]. В «Инвентаре верхнего платья» Дворянского института перечислены шубы, пальто, шапки, муфты, воротники, панталоны теплые, башлыки, перчатки теплые (ОПИ ГИМ. Ф. 310. Ед. хр. 145. Л. 2, 3 об.). В прохладные дни лета носили летние клоки, кофты, мантильи и накидки байковые, драповые или касторовые.

В конце XIX – начале XX в. летом надевали соломенные или пикейные шляпы с большими полями, осенью платки и шарфы, зимой касторовые шляпы или вязаные шапочки и башлыки. мода оказывала некоторое влияние, по крайней мере, на головные уборы. Так в 1916 году, к примеру, в гардеробе появились новинки: «шапочка пикейная на пуговицах, фетровая шапочка (берет)» [Теодорович, 1916, с. 99], шапочки из искусственного меха.

Отправляясь спать, институтки снимали платья и оставались «в холстинковых юбках, кофтах и чепчиках-колпаках, завязанных тесемками на тмени» [Чарская, 1910, с. 129], носили коленкорые кальсоны, коленкорые или холщовые ночные кофты [Медицинский, 1895], а опись белья начала XX в. содержит «корсеты-лифчики,

лифчики белые, подвязки резиновые, сорочки денные, панталоны», а также «кофты ночные, сорочки ночные» (ОПИ ГИМ. Ф. 310. Ед. хр. 145. Л. 5 об., 6 об.).

Все «предметы вещевого довольствия» метились именами или номерами. Выдавая белье, институтке объявили: «Ваш номер будет 84». И с этим номером я прошла всю жизнь в институте. Им метилось мое белье, платья, ботиночки, пальто, место в гардеробной, где висело мое пальто, кольцо в столовой, в которое вставлялась моя салфетка» [цит. по Морозова, 2001, с. 395].

Список сокращений:

ГАТО – Государственный архив Тамбовской области
ЖМНП – Журнал министерства народного просвещения
ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея, Москва
РГИА – Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург
РГМ – Государственный Русский музей, Санкт-Петербург
ЦГИА – Центральный государственный исторический архив, Санкт-Петербург

Библиография

- Аладьина Е.В.* Воспоминания институтки. СПб.: тип. К. Вингебера, 1834. 95 с.
- Бельская А.* (Энгельгардт) Очерки институтской жизни былого времени // Институтки. Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. М.: Новое лит. обозрение, 2001. С. 127–214.
- Васильева А.* Дома и в институте. Из воспоминаний конца 50-х и начала 60-х гг. // Русская школа, 1903. № 7/8. С. 144–178.
- Власова Т.А.* Школьная форма в пространстве власти/знания // Вестник Удмуртского ун-та. Философия. Психология. Педагогика, 2010. Вып. 2. С. 143–147.
- Воропанова М.* Институтские воспоминания // Русская школа, 1903. № 10/11. С. 35–59.
- Высочков Л.В.* «Быть дамам в русском платье»: парадный костюм придворных дам в первой половине XIX в. // Труды Исторического ф-та С.-Петербургского ун-та, 2010. № 2. С. 81–88.
- Гаген-Торн Н.И.* К методике изучения одежды в этнографии СССР // Советская этнография, 1933. № 3/4. С. 119–135.
- Гарулли В.* Институтские воспоминания и стихотворения. Нежин: Отд. тип. Черниг. губ. правл., 1901. 67 с.
- Гиргас Л.Ф.* Статс-дама Мария Павловна Леонтьева. Киев: тип. ун-та св. Владимира, В.И. Завадского, 1895. 71 с.

- Гребеньков И.В.* Униформа учащихся Российской империи в конце XIX – начале XX в. // Научные проблемы гуманитарных исследований, 2011. Вып. 10. С. 49–54.
- Ешевская А.С.* Воспоминания о Смольном. 1871–1876 гг. // Российский архив. М., 2001. С. 352–372.
- Журнал министерства народного просвещения (ЖМНП), 1859. Ч. 103. Отд. VII. Смесь. С. 143–144.
- Заведеева О.П.* Когда я была институткой. СПб.: Т-во М.О. Вольф, 1911. 75 с.
- Зиновьева Л.Е.* Барышня в униформе: форменный костюм и дисциплинарные практики в институтах благородных девиц в России XVIII–XIX вв. // Антро, 2012. № 2. С. 5–17.
- Зиновьева Л.* Форма образа. Форменный костюм российской школьницы в прошлом и настоящем // Теория моды. Одежда. Тело. Культура, 2012а. № 26. С. 124–146.
- Зиновьева Л.Е.* Костюм и идентичность: представление о себе и представление себя // Вестник Пермского гос. педагогического ун-та, 2013. Серия № 3. С. 57–62.
- Кирсанова Р.М.* История костюма в России как научная дисциплина // Теория моды. Одежда. Тело. Культура. 2006. № 1. С. 53–68.
- Кирсанова Р.М.* Костюм в русской художественной культуре 18 – первой половины 20 в. М.: Большая рос. энцикл., 1995. 383 с.
- Ковалевская Н.* Воспоминания старой институтки // Русская старина, 1898. Т. 95. № 9. С. 610–628.
- Левицкая Ф.* Из воспоминаний о московском Александровском институте // Исторический вестник, 1900. Т. 81. № 9. С. 894–906.
- Ледров С.М.* Торговля мехами на Нижегородской ярмарке в первой половине XIX в. // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского, 2012. № 1. С. 207–212.
- Лухманова Н.А.* Двадцать лет назад (из институтской жизни). М.: Изд. кн. скл. Д.П. Ефимова, 1903. 328 с.
- Медицинский отчет по Ведомству учреждений имп. Марии за 1891–92 и 1892–93 гг. СПб.: б.и., 1895. 523 с.
- Медицинский отчет по Ведомству учреждений имп. Марии за 1896–97 гг. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1899. 376 с.
- Морозова Т.Г.* В институте благородных девиц // Институтки. Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. М.: Новое лит. обозрение, 2001. С. 389–506.
- Московское училище ордена св. Екатерины. 1803–1903 гг. М.: Печатня А. Снегиревой, 1903. 560 с.
- Никитенко А.В.* Дневник: В 3 т. Т. 1. М.: Гослитиздат, 1955. 543 с.
- Осинин И.* Исторические заметки о положении и образовании женщины // Женское образование, 1876. № 3/4. С. 24–32.
- Панкратьева Е.С.* С.-Петербургское училище ордена св. Екатерины. 1798–1898. СПб.: Тип. Е. Евдокимов, 1899. 100 с.
- Половцева Е.* Екатерининский институт полвека назад (из воспоминаний бабушки). М.: Унив. тип., 1900. 50 с.
- Пономарева В.В.* Воспоминания институток XIX – начала XX в. как исторический источник // Вестник Московского университета. Серия VIII. История, 2015. № 2. С. 54–69.
- Савельева И.Н., Упине Н.Д.* Из истории школьной формы. Женские институты в дореволюционной России (школьная форма в царской России) // Вестник Оренбургского гос. ун-та, 2014. № 5(166). С. 42–46.
- Симбирские епархиальные ведомости. 1878. № 15. С. 425–430.
- Стерлигова А.В.* Воспоминания // Институтки. Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. М.: Новое лит. обозрение, 2001. С. 67–126.
- Теодорович Н.И.* История Саратовского Мариинского института благородных девиц. 1854–1916. Саратов: Тип. Губ. земства, 1916. 254 с.
- Тимофеев В.* 50-летие С.-Петербургского Николаевского Сиротского института. 1837–87 гг. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1887. 417 с.
- Тульские епархиальные ведомости. 1877. № 10. С. 292–305.
- Устав воспитания двух сот благородных девиц учрежденного ея Величеством государынею имп. Екатериной Второю... СПб.: Сенатская тип., 1764. 20 с.
- Устав женский учебных заведений Ведомства учреждений имп. Марии, высочайше утвержденный 30 августа 1855 г. СПб.: Типо-лит. К. Штремера, 1884. 356 с.
- Устав имп. Шляхетного Сухопутного кадетского корпуса... СПб.: Печ. при Сенате, 1766. 246 с.
- Чарская Л.* За что? Повесть о самой себе. М.: Русская миссия, 1910. 403 с.
- Чарская Л.* Люда Влассовская. М.: Русская миссия, 2007. 511 с.
- Чарская Л.* Моя жизнь. М.: Русская миссия, 2006. 381 с.

Контактная информация:

Пономарева Варвара Витальевна: e-mail: varvarapon@mail.ru.

UNIFORMLY IN SHAPE: AN INSTITUTKA'S UNIFORM AS AN ITEM OF CLOTHING AND AN IDEOLOGEM. PART I

V.V. Ponomareva

Lomonosov Moscow State University, Faculty of History, Moscow

This article explores the history of the first school uniform in Russia. The school uniform established for «institutki» (girls from the schools of Empress Maria) was created in 1764, when the first girls' boarding school was founded, and it existed through to 1917. The authors, who previously looked at the history of school uniform, focused primarily on its formal characteristics as a means of suppressing students' personality. The main task of this work was the study of the existence of the uniform in certain historical conditions, based on authentic documents. A school girl's uniform, which replicated the dresses of the adolescent noble girls, also had its own peculiarities and reflected inter-school hierarchy. It remained practically unchanged for 150 years. The traits of uniforms at different schools, the materials, of which various parts were made, its costs, the protocol for wearing, daily and 'special' versions etc, and also the discussions of all related issues at the Department – all these details are being resurrected based on archives and documents of personal origins. The same uniform common to all schools throughout the Russian Empire, from Warsaw to Irkutsk, highlighted the unity of common school space, aided the order and equalized the differences between the rich and the poor. Girls' schools, which were under the protection of the emperor, were one of the symbols of Imperial Russia, whilst the unaltered and constant image of a school girl was a symbol of the ethical and moral stability of the existing order. Mariinsky schools existed for over 150 years, undergoing many transformation, aiming to bring up their students in accordance with the changing demands of the time – except the uniform. Traditional institutka's uniform became a prototype of a school uniform of a later period, and consequently, of a Soviet school girl.

Keywords: historical anthropology, uniform, culture of daily life, department of Empress Maria establishments, closed girls's boarding schools